

УДК 32(571.6)

© Л. Е. Бляхер, М. Ю. Шинковский, И. Ф. Ярулин, 2005

ПОЛИТОЛОГИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ИНСТИТУТ БЕЗ СООБЩЕСТВА

Бляхер Л. Е. – завкафедрой «Философия и культурология» д-р филос. наук, проф. (ТОГУ); *Шинковский М. Ю.* – директор института международных отношений д-р полит. наук, проф. (ВГУЭС); *Ярулин И. Ф.* – завкафедрой «Социология, политология и социальная работа» д-р полит. наук, проф. (ТОГУ)

Описываются трудности становления политологических сообществ в регионах России (в основном на материале Хабаровского и Приморского краев). Считается, что политология разделена на столичную и многие провинциальные. Развитие последних отмечено четырьмя парадоксами, связанными с представлением о том, что каждая территория являет собой «особый район» России. Парадокс первый: необходима политологическая коммуникация, но у нее отсутствует основа. Парадокс второй: наличие нескольких подходов к политологии («когнитивных стратегий») в рамках одной региональной корпорации. Третий парадокс обусловлен адресатами и финансированием исследований, так как существуют три типа политологии: «на экспорт», для «внутреннего применения», для вузов. Парадокс четвертый: используемые политологические концепты, заимствованные модели и методологии далеко не всегда отвечают российским реалиям. Вывод авторов: для становления регионального сообщества нужны: 1) локус методологической дискуссии и политологической коммуникации; 2) средства и критерии этой коммуникации. Сейчас такой базой может быть система образования.

The authors describe the problems of the formation of political scientists' communities in Russian regions (Khabarovsk Territory and Primorye as an example). The authors consider the political science to be divided into that of the capital city and many provincial ones. The development of the latter is marked by 4 paradoxes connected with the idea that each given territory presents «a particular area» within Russia. Paradox I: there is a need for political-scientific communication but it has no base. Paradox II: the existence of several approaches to political science («cognitive strategies») within one regional corporation. Paradox III is due to a destined character of the research and its financing: political science «for export», «for domestic use», for higher educational institutions. Paradox IV: po-

litical-scientific concepts used, schemes and methods borrowed do not always correspond to Russian realities. The author's conclusion is that the formation of a regional political science community requires 1) locus for methodological discussion and for political science communication and 2) means and criteria of the communication mentioned. Today, the educational system that can play this role.

Становление политологии в России принципиально отличалось от классических науковедческих моделей становления общественной науки. Как показал И. Валлерстайн, «классическое» обособление общественных наук друг от друга было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, возникала проблема, решение которой в рамках традиционного членения науки было невозможным или, по крайней мере, весьма затруднительным. Во-вторых, появляется группа ученых, стремящаяся использовать методы и подходы, отличные от тех, которые используют представители смежных наук. В-третьих, происходит обособление предмета и области исследования. И, наконец, новая наука получает институциональное оформление-признание в рамках дисциплинарного деления науки (особые конгрессы, журналы, советы, степени, способы воспроизводства сообщества и т. д.) [1].

При становлении отечественной политологии институциональное оформление (кафедры политологии, научные степени и советы) существенно опередило и становление предметной области, и становление сообщества специалистов. Результат оказался двояким. С одной стороны, «в политологи» попали представители самых разных научных направлений, так или иначе связанных с изучением политики: политические социологи и политические историки (научный коммунизм и история КПСС), политические философы и политические публицисты (исторический материализм, политические обозреватели). С другой стороны, представления о предметной области политической науки, о ее методах и целях оказались предельно размытыми. Практически невозможными оказывались и методологические дискуссии. Каждая из групп политологов «говорила» на своем языке и имела собственную логику аргументации. Казалось бы, в этой ситуации возможны два выхода. Первый вариант – победа одной из групп и превращение «политологии» в политическую историю, социологию, экономику или философию. Второй вариант – растаскивание несложившейся дисциплины по различным рубрикам в русле «материнских наук». Эти процессы, действительно, имели и имеют место, но ведущими стали другие. Появление этих «других» и их «победа» в столичных центрах были связаны с наличием международного политологического контекста, с деятельностью международных научных фондов и ... становлением электорального процесса в России.

К середине 90-х годов сложилась достаточно значительная группа ученых, которые через конференции и стажировки освоили стандарты «зарубежной политологии». Именно на них ориентировали свою деятельность международные научные фонды. Именно они стали выступать экспертами при распределении грантовых средств или руководителями исследовательских коллективов, работающих при поддержке фондов. Именно они преподавали в многочисленных в тот период школах молодых ученых. Не менее важным было и то, что именно такая политология противопоставлялась «коммунистической пропаганде», дискредитировавшей себя в глазах и населения, и научного сообщества. В силу этого обстоятельства именно такая политология смогла стать лидером. Представители «других политологий» (истории, философии, социологии и т. д.) были вынуждены или принять систему господствующих стандартов нового направления, или «отступить» в сферу традиционной академической науки. Однако само наличие в исследовательском пространстве таких групп привело к известному ограничению проблемного поля политологии. Политическое как предмет политологии в России включило в себя только явления или процессы, связанные с демократическим транзитом. Сюда вошли партология, система демократических институтов, электоральный процесс и т. п. Реальные властные практики, сложившиеся в советские и досоветские годы, политические аспекты хозяйственной жизни и многие другие важнейшие для политического пространства России явления остались в ведении иных наук. Властные и распределительные отношения в России анализировались в рамках истории и экономики. Сетевые структуры власти вошли в сферу социологии. Политология пыталась освоить эти когнитивные поля через проблему политической культуры и теорию элит. Но проблемы политической культуры России с легкостью уносились в метафизические дали рассуждений о противопоставлении «Восток-Запад» и споре об «особом пути России». Теория элит же превращалась в «знаточество» и «начальствоведение». Такому «разделению труда» способствовало наличие еще одной лидирующей группы – группы политических консультантов, чьи ресурсы были много выше, чем ресурсы международных научных фондов. Именно они «делали выборы», организовывали электоральный процесс и... олицетворяли политологов в глазах основной массы населения. Таким образом, одна группа лидеров направляла политический процесс, связанный с выборами, другая его изучала. Предметом изучения были «ростки демократии» на отечественной почве или, на худой конец, объяснение их временного отсутствия. Объектом исследования была публичная политика в том виде, в котором она понималась в рамках «мировых школ». Сокращение пространства публичной политики, произо-

шедшее в начале XXI века, привело к кризису становящейся политологии. Резко сократилась сфера использования политических технологов и консультантов, истончился предмет политической науки. В этот момент, совпадающий с моментом написания статьи, отечественная политология и пытается определить новый предмет исследования, отличный от классической «публичной политики» и «откровений» публицистов. Российская политология мучительно пытается сделать предметом исследования не желаемую, а реальную структуру политического в России. И в этом плане региональная политология и политическая регионалистика становятся важнейшими элементами политической науки. Здесь не сложились четкое разделение между различными группами политологов и жесткая корпоративная идентификация исследователей. Не произошло «вытеснения» одних групп другими. Однако сегодня, в условиях поиска новых определений политического, этот «минус» может неожиданно стать «плюсом». Для демонстрации этой возможности мы и обратимся к истории и современному состоянию политической науки одного из регионов – Дальневосточного.

Становление региональной политологии – это явление, осложненное множеством парадоксов, связанных как с особенностями политического пространства региона, так и со спецификой социального бытия самих политологов. Последнее определяется, прежде всего, тем, из кого составлен «познающий субъект» политологии. Профессиональная идентификация – «политолог» в рамках региональной науки – представляется сегодня категорически недостаточной. Она предполагает достаточно много «уточнений». Если в рамках американской традиции политология четко институционально определена (оставим в стороне вопрос: а хорошо ли это?), то в России политологи разделены на несколько слабо соотносимых групп. Речь не идет об отмеченном М. В. Ильиным разделении на «МГИМОшную и МГУшную» политологии [2]. Различие между группами глубже. Оно связано не только с методами и установками познания, но с пониманием самого смысла существования науки (или учебной дисциплины). Эти группы по-разному и в разное время «входили» в российское знаниевое пространство, разное место в нем занимали, различались по степени и характеру ангажированности, источнику и объему финансирования. Особенно ярко эти различия проявляют себя в региональном (провинциальном) контексте. Тому есть, по крайней мере, две причины. Во-первых, в «столичных» сообществах гораздо выше процент исследователей, *имевших возможность* в 90-е годы войти в мировое профессиональное сообщество, проникнуться его принципами и критериями, т. е. больше политологов в классическом смысле дисциплины. При всем различии между «политологией Мельвиля и Панарина» сходство здесь существ-

венно значительней. Хотя бы в понимании критериев научности и смысла политической науки как таковой. Более того, именно те, кто смогли войти в мировое сообщество политической науки, определяли фон отечественной политологии в ее «столичном» варианте. Заметим, что «антизападные» в методологическом отношении работы Ю. Пивоварова и С. Патрушева достаточно четко определяют себя в контексте «западной» науки. Даже маргинальные для политической науки фигуры «политических консультантов» (В. Игрунов, Ю. Милитарев и др.) вынуждены определять себя в рамках политологии как института. Наиболее успешные политконсультанты и не прибегают к названию «политолог», пользуясь обозначениями «аналитик», «эксперт» и т. д. Во-вторых, в «столичном» варианте политической науки гораздо проще было найти финансирование под собственно научные проекты. Возникает нормальное разделение труда ученого и политконсультанта. Даже если в последнем качестве выступает ученый, он четко различает свои действия в двух разных и осознающих свою разность ипостасях. Иначе обстоит дело в провинциальных центрах, далеко отстоящих и от мирового сообщества, и от столиц. Здесь различные группы, которые должны были бы, по идее, слиться в единой политической науке или «разойтись» по разным рубрикам, продолжают существовать раздельно. При этом каждая из них претендует на репрезентацию «региональной политологии» *par excellence*. Эта ситуация характерна и для политологии в регионе. С описания групп, составляющих «политологию региона», мы начнем свой анализ.

Кто есть кто в политологии региона, или Ты помнишь, как все начиналось...

В конце 80-х – начале 90-х годов в рамках регионального дискурса появилось новое слово – «политолог»¹. Политологами называли столичных, как правило, оппозиционных публицистов, рассуждающих о демократическом (или ином) будущем России, обличающих существующие порядки. Вскоре появляются и «местные политологи» – демократы первой волны. Чаще всего в эту группу входили преподаватели истории, краеведы, журналисты ряда краевых СМИ. Определенную часть группы составляли отставные партийные и комсомольские деятели невысокого ранга (инструкторы райкомов, горкомов, лекторы крайкома). Формой институционализации первых политологов выступали столичные политические (не политологические) объединения типа «Демократического выбора». Основным «рупором» были краевые га-

¹ Впервые в газете «Тихоокеанская звезда» в апреле 1989 года.

зеты («Молодой дальневосточник» и «Тихоокеанский комсомолец»), немногочисленные статьи в сборниках научных трудов местных вузов, а адресатом – население и власть. Первым было необходимо объяснить историческую неизбежность демократических перемен. Вторых же желательно было немного поугаать, подразнить. Логика здесь была достаточно простая. Богатый Дальний Восток ограблен коммунистической «Москвой». Именно оттуда прибывали всевозможные революционные матросы и чекисты. Развал коммунистического режима, обличение «злодейств», к примеру плана строительства Приморской АЭС, должны были сопровождаться восстановлением исторической справедливости. Образцом же оной справедливости выступает демократическая Дальневосточная республика [3].

Представители «первых политологов» не усложняли себя методологическими или философскими вопросами, гораздо важнее была «идея», «правда», которую всеми путями стремились донести до жителей региона. По существу, они были не столько исследователями становящегося политического пространства, сколько его участниками. Неслучайно большая часть «первых политологов» превратилась в более или менее успешных политиков (В. Попов, В. Вовк, В. Черепков и некоторые другие). Остальные дополнили собой иные группы, несколько позже вошедшие в сферу новой науки.

Следующая, наиболее значительная до настоящего времени группа появляется в первой половине 90-х годов вместе с введением в программу вузов курса «политология» и появлением соответствующих кафедр. Первоначально речь шла о простом переименовании кафедр научного коммунизма в кафедры социологии и политологии. Такое изменение произошло в Хабаровском государственном техническом университете, Дальневосточной академии путей сообщения, Хабаровском государственном педагогическом институте. Появляется кафедра политологии в Дальневосточном кадровом центре (бывшей ВПШ), в Дальневосточном государственном университете был даже открыт один из первых в России факультет политологии. Но изменение названия, совпавшее с бурными событиями 1991–1993 гг., привело и к изменению содержания учебной дисциплины. Знаки поменялись, и бывшие научные коммунисты принялись воспитывать будущих строителей светлого капиталистического завтра [4]. Здесь же, главным образом в Комсомольском-на-Амуре педагогическом институте (педагогическом университете), формируется альтернативное направление, развивающееся, с поправкой на эпоху, идеи научного коммунизма как учебной дисциплины. Здесь и курс, и «научные исследования» строились как «обличение преступного режима». В середине 90-х годов формируется достаточно широкое движение «ученых социалистической ори-

ентации»¹. Кроме КнАГПУ в этом движении принимали участие представители Хабаровской государственной академии экономики и права, Хабаровского государственного педагогического университета. В работах Э. Васильченко, В. Войшниса, Ю. Качановского, В. Пескова, Р. Лифшица и некоторых других [5] анализировались различные аспекты партийной (КПСС) жизни в крае в 20-е–80-е гг., причины и проявления социального кризиса в современной России. Советская политическая система выступает в работах этих авторов как некий эталон, отклонение от которого и порождает кризис. Негативные стороны советской эпохи трактовались здесь как частные явления, не связанные с системой как таковой. В рамках этого направления в течение второй половины 90-х годов проводились ежегодные научно-практические конференции регионального уровня. Однако влияние этого движения, значительное в первой половине 90-х годов, неуклонно снижалось. Не имея других источников финансирования, кроме КПРФ, эта группа не смогла стать лидирующей. Она практически была лишена каких-либо международных контактов, диалога с иными группами (да и не стремилась к ним). Сокращение электоральной поддержки КПРФ, уменьшение числа депутатов-коммунистов в краевом законодательном органе привело к исчезновению источника финансирования этого направления в региональной политологии. В настоящее время к нему примыкает крайне незначительное количество преподавателей «идеологических кафедр» старшего и сверхстаршего возраста. По существу, представители этого направления исследуют *уже исчезнувшую* реальность с позиций «советской политической мифологии». В силу этого эвристичность научного направления остается крайне низкой, постепенно вырождаясь в политическую публицистику.

Несколько иную динамику дает нам «демократическое» направление университетской политологии. Первоначально от противоположного направления оно отличалось не столько по уровню и качеству исследований, сколько по характеру эталона. Здесь эталоном выступало «мировое сообщество цивилизованных стран». В качестве непреложной нормы воспринимались наличие демократических процедур и разделение властей, гражданское общество и политические свободы. Сравнение с демократическим эталоном наличной реальности и становилось предметом исследования. Несмотря на то что к началу 90-х гг. эта группа была малочисленна, она обладала бóльшим ресурсом развития. Это связано, в первую очередь, с генезисом ее становления. Группу составили исследователи, обучавшиеся в 90-е гг. в аспирантуре (докторантуре) центральных университетов, стажировавшиеся за ру-

¹ Создано по инициативе краевой организации КПРФ в 1993 году.

бежом, участники школ молодых ученых. В работах Т. Захаровой, И. Ярулина, Ю. Прохоренко, В. Смолякова, Л. Бляхера, И. Матвиенко, И. Саначёва, М. Ю. Шинковского и ряда других ученых шло не столько исследование, сколько освоение огромного наследия мировой политологической мысли, приспособление инструментария «материнских наук» (истории, филологии, философии) для решения новых задач. Происходило осмысление традиции, теоретического аппарата, исследовательских стратегий [6]. Ключевыми темами этого периода были: понятие и история становления гражданского общества (И. Ярулин); электоральные процессы и политические ориентации населения (Т. Захарова); политическая структура общества (Л. Бляхер) и некоторые другие. Ресурсом группы выступали научные контакты за пределами региона, определенная грантовая поддержка, знакомство с зарубежными образцами научных исследований. Но здесь же коренилась и опасность провинциализма. Осознавая себя частью «столичного» или «зарубежного» сообщества, дальневосточный ученый начинал более или менее точно воспроизводить исследовательские стандарты этого сообщества, не задаваясь вопросом об их оправданности, применительно к конкретной задаче. Методологическая рефлексия, анализ оснований исследования, регулярная научная коммуникация, без которой, по мысли А. Филиппова, невозможна наука, отдавались на откуп «материнским» исследовательским центрам. Более того, именно точное воспроизведение «учебных» исследовательских стандартов выступало условием получения гранта, заказа на исследование от региональной администрации (правительства). Особенно это касалось международных, отнюдь не научных фондов с сильной политической ангажированностью и административных структур.

Первым интересовало, прежде всего, как в России и конкретно на Дальнем Востоке развивается демократия, формируется гражданское общество. При этом само понимание демократии и гражданских институтов не предполагало рефлексии. Оно было дано изначально в учебнике по политологии для колледжей США. Для получения финансирования было необходимо не исследовать, а *развивать* «демократию». На худой конец, допускалось исследование уже возникших «ростков демократии» в регионе. То, что эти явления могут иметь иной политический смысл, просто не входило в предмет обсуждения. Наибольшую поддержку получали краевые проекты, связанные с исследованием коррупции (никаких «неформальных экономик»), становлением некоммерческих организаций как элементов гражданского общества и противодействием административному произволу. Сложились целые коллективы профессиональных строителей демократии на гранты международных фондов (Н. И. Поличка и некоторые другие). Столь же

мало были заинтересованы в позитивном неангажированном исследовании административные структуры. В этом варианте политологию заменяли «рейтинги» партий и политических деятелей. В отличие от международных фондов, которые просто не интересовались реальным положением дел, административные структуры щедро оплачивали «поле», результат которого был известен заранее. В задачу «придворного» политолога входило «научное» обоснование уже принятого решения или (более творческая задача) обоснование ошибочности решения властей федерального уровня по отношению к территории (к такому, к примеру, относятся Г. Зверев, Н. Меньшенина и А. Смирнов в Приморском крае). В любом варианте с общепринятой исследовательской практикой эти задачи соотносились слабо. Если в рамках объединения «ученых социалистической ориентации» исследовалась уже исчезающая реальность, то здесь предметом исследования становилось *желаемое состояние* политического пространства. Но и в первом, и во втором варианте анализ наличного политического пространства не проводился. «Исследовалось» *возможное* прошлое или *возможное* будущее.

Поскольку эти источники финансирования были самыми щедрыми, то и эта часть «политологов» оказывалась наиболее социально значимой. Однако, к счастью для политической науки в регионе, ведущей она стать не смогла, поскольку была лишена механизма воспроизводства. Обретению статуса лидера препятствовал сам способ получения финансирования. Самовоспроизведение предполагало расширение доступа к финансовым потокам, которые в условиях отдаленного региона более напоминали ручейки. Это не входило в планы профессиональных грантополучателей или «придворных» политологов. Соответственно, крайне узок был «круг этих революционеров».

В результате десятилетнего развития политической науки в крае сложилась странная ситуация. Существовали и активно развивались кафедры политологии (или социологии и политологии) в вузах, проводились многочисленные эмпирические исследования, возникло два региональных объединения политологов. Хабаровские ученые стажировались в ведущих университетах мира (Швейцария, Германия, США). До самого недавнего времени работал совет по защите диссертаций по политологии (председатель – И. Ярулин), находящийся сейчас в стадии перерегистрации по расширенной номенклатуре специальностей. Здесь защищены уже более десятка работ, в основном посвященных анализу актуальных проблем текущей политической жизни региона, системе электоральных предпочтений различных групп населения. Дело было за малым: *не существовало сообщества политологов*. Внутренняя коммуникация отсутствовала, внешней коммуникации боялись. Ведь

«внешний» классик может посягнуть на «святая святых»: мой долларoвый (или рублевый) ручеек. Он может усомниться в моем праве именоваться политологом. Политология как отрасль научного знания оказалась невостребованной ни теми, кто именовал себя политологами, ни реальными участниками политического процесса. Причин здесь несколько. Во-первых, политология оказалась для значительной части тех, кто именовал себя «политологами», удобным способом сохранить прежний статус (преподаватели научного коммунизма и истории КПСС) или приобрести устойчивый источник финансирования (профессиональные борцы за демократию). Для них принципиально было следование предписанным стратегиям, а не анализ, способный дать нетривиальный, следовательно, потенциально опасный результат. Во-вторых, минимальным оказалось количество носителей традиций незаинтересованного знания. Последнее, за редким исключением, не вознаграждалось ни материально, ни статусно. В-третьих, составленная из представителей различных отраслей знания (историки, философы, филологи) и различных школ, введенная «по приказу» политология оказалась не в состоянии исследовать реальные политические процессы в регионе. Исследовались некие идеологически нагруженные образы политики, но не политика. Идеологические же образы гораздо успешнее конструировали журналисты, заезжие политконсультанты, чем политологи. Постепенно «региональная политология» распадается на несколько слабо связанных групп, существующих вполне обособленно. Более того, в силу виртуальности исследовательского объекта ни одна из них не оказывается востребованной реальными политическими акторами. Точнее, востребованность сохраняется на ритуальном уровне. Решение власти должно быть «освящено» политической наукой. Но на сам акт принятия решения «научное мнение» влияния не оказывает. К началу XXI века возникла реальная перспектива исчезновения этой науки в региональном масштабе, или, другими словами, она превратилась в политологию «для внутреннего (учебного, административного) потребления», институт без сообщества. Для того чтобы переломить ситуацию, и понадобились более чем пятилетние усилия энтузиастов. Потребовалось всего три вещи: создание стандартов исследовательской деятельности, определение предмета исследования и строительство каналов профессиональной коммуникации по поводу исследования. Становилось понятно, что новая востребованность политологии не может быть обнаружена при исследовании предполагаемого пространства политики. Это возможно только при исследовании реального политического пространства.

Несколько более благополучно начиналась политология в Приморском крае. Наличие Дальневосточного отделения Российской академии

наук, «классического» университета создавало возможности для становления политологии как академической дисциплины. В рамках этих учреждений и возникают первые значимые фигуры, определяющие себя как политологи (Н. Крадин, М. Шинковский, А. Кузнецов, С. Песцов, В. Бурлаков, Н. Шинковская и, быть может, некоторые другие). Как правило, приморские политологи вышли из вполне академичных историков XX века. Академические и университетские контакты, да и просто динамизм, и международные связи портового города дали возможность приморским ученым гораздо полнее и быстрее ознакомиться со стандартами политических исследований в политологических центрах России и за рубежом (МГИМО(У), СПбГУ, МГУ, Университет Британской Колумбии, Университет Гонолулу, Осака, Сорбонна, Университет штата Вашингтон и т. д.). Если политология Хабаровского края имела социологический характер (политическая социология), то политология Приморья была по преимуществу исторической и философской. Представителями «политической антропологии» стали историки А. М. Кузнецов и Н. Н. Крадин [7]. Здесь, опираясь на философские взгляды М. Фуко и, отчасти, И. Валлерстайна, авторы выстраивали учение об особенностях «человека политического» в его отличии от уже устоявшихся *Homo Ludens*, *Homo Economicus* и т. д. Эмпирической основой этих рассуждений было проведенное исследование становления политической структуры в великих кочевых культурах Центральной Азии. Историки-регионоведы стали представителями «политической регионалистики» (Н. В. Шинковская, И. Д. Саначев, Н. А. Шабельникова и др.) [8]. Здесь, при сохранении традиционной для отечественной регионалистики бытописательской и краеведческой направленности, предпринимались серьезные попытки теоретической работы. Определялось понятие «регион», «Дальний Восток». Историки-международники освоили международные отношения как самостоятельную отрасль политической науки (М. Ю. Шинковский, Л. Н. Гарусова и некоторые другие) [9]. В этой сфере приоритет был за традиционными работами в жанре «Россия и...» или «Дальний Восток в...». В конце 90-х годов возникают исследовательские и образовательные структуры. В отличие от Хабаровского края во Владивостоке открывается два факультета, где ведется подготовка политологов (Дальневосточный госуниверситет и Владивостокский госуниверситет экономики и сервиса). Последовательно работают два диссертационных совета при ДВГТУ (председатель Н. Меньшенина) и ДВГУ (председатель В. Печерица). Советы в основном ориентированы на анализ международных контактов региона. Среди защищенных работ следует отметить исследования Н. А. Царевой «Особенности политического процесса в Республике Корея: трансформация политической системы

(1948–1998 годы)», Е. А. Постриганова «Лоббизм в органах государственной власти: специфика современного политического процесса России и США», В. А. Бураковой «Влияние дальневосточных интеграционных проектов на современный политический процесс России». Активно защищаются и работы (по аналогичной проблематике) граждан сопредельных государств. Это связано с деятельностью колледжа корееведения, созданного при ДВГУ на средства южнокорейской стороны. Здесь заметны работы Пак Док Су «Объединение Кореи и позиция России в этом вопросе», Ву Чжон Сула «Политический процесс в Республике Корея в переходный период: сущность, особенности, тенденции развития». Следует отметить и диссертацию исследователя из Тайваня Пань Бин Хуна «Демократический процесс на Тайване: опыт, проблемы, перспективы». Работа этих диссертационных советов, как в зеркале, отражает общую ситуацию отсутствия политологического сообщества в регионе, и её характеризует келейность, боязнь привлечения новых сил. Как результат, диссертационный совет в ДВГУ уже давно не существует, а работающий в ДВГУ, несмотря на свой докторский статус, имеет в своём составе специалистов любого профиля вплоть до профессионалов в области изучения структуры галечных отложений в южной части Японского моря, кроме докторов политических наук.

За последние три года проведено 8 конференций и семинаров регионального уровня. Открыт Дальневосточный МИОН, где политология провозглашена в качестве важного направления работы. Возникли и оформились группы, возглавляемые Н. Крадиным, М. Шинковским, А. Кузнецовым и некоторыми другими. Кажется, что проблема решена. Школы созданы, наука развивается. Но это только кажется...

Создан и функционирует по всем правилам социальный институт «наука политология». А вот содержание института вызывает определенные сомнения. К. Поппер считал неременным условием существования науки наличие конфликтующих теорий [10]. В ходе такого конфликта возникают условия для их взаимной верификации и, следовательно, приближения к истине. Близкие положения выдвигал и главный оппонент К. Поппера И. Лакатос [11]. Его «исследовательская программа» предполагает наличие взаимодополняющих теорий, осознающих свое отличие друг от друга. Этого-то и не возникает. Полный набор институциональных условий (кафедры и факультеты, журналы и диссертационные советы) не привел к содержательному становлению сообщества. Более того, именно институциональная оформленность позволяет четче увидеть основную проблему. Конкуренция идей здесь заменяется конкуренцией между личностями. Так, при интервьюировании преподавателей политологии Приморья декан факультета поли-

тологии и социального управления А. М. Кузнецов прямо говорил об отсутствии школ в регионе: «У нас нет научных школ, но есть несколько специалистов и направлений». Еще более определенно высказался преподаватель политологии Г. П. Оврах: «Есть некие формирования, но о существовании таких научных школ я не знаю. Нет критериев выделения профессионализма (существующие на данный момент – субъективны) как для научных школ, так и для специалистов. А если нет общепризнанных объективных критериев, то всегда найдутся оппоненты на любое разумное мнение». Если применительно к Хабаровску мы можем говорить о том, что для формирования общепринятых критериев профессионализма нет институциональных условий (не ведется подготовка политологов, нет специализированных журналов, не хватает финансирования), то по отношению к Приморью это будет, мягко говоря, неверно. Почему же эти критерии не формируются? Почему и в варианте Хабаровска, и в варианте Владивостока наличие института не приводит к формированию сообщества? Ответить на эти вопросы мы и попытаемся в следующем разделе.

Что изучает и что может изучать региональная политология

В своей достаточно острой статье, посвященной анализу политологического сообщества 90-х годов, А. Богатуров говорил о появлении в российской политической науке «поколения переводчиков» [12]. «Переводными» были и работы дальневосточных политологов. Но не менее существенный вопрос: кого они переводили, кто был «образцом для подражания»? Вполне понятно, что это были признанные классики (Шмидт, Макинтайер, Лассуэл, Алмонд и т. д.), чьи работы уже не являются «живыми» участниками научных баталий, и ... учебная литература, содержащая общепринятые, устоявшиеся, а потому выпавшие из реального научного оборота работы. Поездки в Японию и Корею принципиально не повышали уровень исследований, а стажировки в провинциальных университетах США породили опасную иллюзию, что достаточно ознакомиться с понятийной структурой и базовыми политологическими учебниками, точно выполнять общепринятые стандарты и ... политические процессы в России будут поняты и исследованы. Мифы американской политологии и ее провинциального варианта (японской и корейской политической науки) транслировались на иную «почву». То обстоятельство, что, как показал И. Валлерстайн, наиболее яркие работы не столько продолжают традицию, сколько противостоят ей, во внимание не принималось. Формировался «провинциализм в кубе»: традиции провинциальной политологической школы в США или Японии осваивались и усваивались провинциаль-

ными учеными в России. Поскольку «политология» – не исследование политической системы общества, а социальный институт – приходит к нам извне, эти традиции выступали как данность, а не предмет рефлексии. Потому и сами исследования постепенно превращаются в выполнение некоего ритуала, сакрального действия, связанного с воспроизведением стандартов. Стандарты были разными (французскими, немецкими, американскими, японскими и т. д.), но все в равной мере сакральными, а потому не подлежащими обсуждению. Даже если это были отечественные («столичные») нормы МГИМО, МГУ, РАГС или СПбГУ, сакральное отношение сохранялось. Просто добавлялся еще один уровень «снижения» образца. Поскольку о традициях (методах, основаниях исследования и т. д.) спорить нельзя, то бессмысленным является и обсуждение результатов исследования. Точнее, спор возможен, но только на уровне эмоционального переживания и стремления «сказать последнее слово», «сохранить лицо». Причем сами споры возможны только «внутри» самих политологов. Политики региона особого интереса к этим спорам не проявляют. Причина здесь понятна. Усвоенная система политологических концептов (имен), построенных на ключевом концепте «демократия» [13], существует как семиотически упорядоченный (непротиворечивый) текст. В таком виде она застилает политическую реальность от взгляда исследователя. Исследование, по образцу «Сравнительной политологии» Г. Голосова, обращено на саму систему имен, а не на реальность. Иными словами, серьезно и вдумчиво изучается то, насколько наличная политическая реальность, описанная с помощью системы имен учебной политологии США (Франции, Германии и т. д.), соответствует идеальному состоянию, заданному той же системой имен. Несовпадение этих систем рассматривается как показатель ущербности (неразвитости) российской демократии. Прийти к выводу о заблуждениях и драматических ошибках региональных политических элит может обойтись себе дороже. Так стоит ли этим заниматься? Поэтому система концептов вне постоянной методологической рефлексии становится «маской». А построенная на ее основании картина реальности – «социальным маскарадом». Этот «маскарад» не особенно интересен мировому политологическому сообществу и совершенно не интересен реальным политическим авторам. Отсюда постоянные стоны о невостребованности политологического знания в регионе (да и в России). Отсюда же невозможность вести содержательные дискуссии, поскольку их результатом должно было бы стать сомнение в истинности «сакральных» (правильных по определению) стандартов исследования, методологических установок. От потребности в рефлексии подобного рода отделяются, как правило, ссылкой на особую актуальность самой темы, которая не оставляет

времени для «теоретических споров». Политическая наука, сформировавшаяся как социальный институт, но лишенная «парадигмы» в куновском понимании, лишенная сообщества, превращается в игру социальных статусов. Формальные статусы (кандидат, доктор наук, профессор, член совета, председатель совета и т. д.) становятся основой «научной» коммуникации, а обретение формального статуса становится ее целью. В этом же русле как способ обретения социального статуса оценивается зарубежная стажировка, «центральная» публикация. Лидерами «школ» становятся не те, кто может поделиться с учеником идеями, подходами, а те, кто может наделить адепта той или иной статусной характеристикой. Соответственно содержание «научной жизни» составляет борьба за право распоряжаться тем или иным ресурсом (финансами, научными званиями, стажировками). «Диссертабельность», ангажированность со стороны фондов не влияют на содержание политологических исследований, они его формируют, поскольку никаких других оснований для этого просто не оказывается. Отстранение политологии в виде системы социальных статусов от участия в реальном политическом процессе, ее невостребованность участниками политической жизни региона ведет к постепенному сокращению и тех ресурсов, которые сегодня выделяются в этой сфере. В итоге единственной формой востребованности политологии может оказаться педагогический процесс, да и то не в форме подготовки политологов, а в русле специальностей типа «государственное и муниципальное управление» или «связи с общественностью». Насколько долго сохранится эта востребованность, сказать трудно. Ясно только одно: с политологией как специализированной отраслью знания при таком варианте развития событий придется попрощаться.

Но существует иной путь развития политологии в регионе. И первый шаг к нему состоит в том, чтобы признать: период «переводов» закончен. От трансляции концептуальных схем, выработанных в рамках «материнских» центров, необходимо переходить к собственной методологической рефлексии; от борьбы за становление демократических институтов в регионе – к исследованию реального политического процесса, от формального института – к реальному сообществу.

Однако здесь возникает и другая опасность. Отказ от жесткого следования стандартам в пользу свободы исследования может обернуться ситуацией, когда отсутствие профессионализма начнет компенсироваться ссылкой на «уникальность региона», тайну русской души, дальневосточную специфику и т. д. Политология, исследование властных отношений в регионе может превратиться и уже превращается в «начальствоведение»: «исследование» симпатий или антипатий регионального руководства к тем или иным региональным акторам, «ана-

лиз» взаимоотношений с конкретными чиновниками федерального центра.

Для компенсации этой опасности необходимо строить науку не через отбрасывание «этапа переводов», а через театральный принцип: «те же и...». Средством для этого может стать «размыкание» региональной политологии. Последние годы регион стал активно принимать представителей «столичной» политологии (А. Воскресенский, М. Ильин, А. Кузьмин, М. Лебедева, Т. Алексеева и другие). Размыкание сообщества не позволяет сложиться системе «местных классиков», ведет к постоянной рефлексии над основаниями собственных исследований. К подобной рефлексии подталкивают и процессы, протекающие в мировом политическом пространстве, в мировой политической науке.

Мировая, а особенно американская политология была, по преимуществу, учением о демократии. Неизбежность и оправданность победы демократических форм правления и связанных с ними либеральных и рыночных свобод выступала в ней как несомненная аксиома. В период «третьей волны демократии», когда политология (отличная от научного коммунизма, политической истории и политической социологии) импортировалась в Россию, эта аксиома сомнений не вызывала. Казалось, что «новый порядок» будет базироваться на демократических, «общечеловеческих» ценностях. Просто потому, что они лучше, справедливее. Они ведут к политической стабильности, экономическому процветанию, гражданскому миру. Однако политические события последних лет делают эту аксиому достаточно спорной. «Победное шествие демократии» уже породило две «черные дыры» на политической карте мира (Афганистан и Ирак), дестабилизировало ситуацию на Ближнем Востоке, привело к югославской катастрофе. «Война с терроризмом», к которой оказалось не готово не только политическое сообщество, но и политическая наука, привела к резкой архаизации политической жизни в США, проявлениям ксенофобии в Европе. С другой стороны, вполне авторитарный Китай и отчасти Республика Корея демонстрируют высокую социальную и политическую стабильность, впечатляющий экономический рост. Все это приводит к растерянности представителей политологии как учения о демократии. В наиболее глубоких работах последних лет (И. Валлерстайн, А. Фергюссон, Ф. Закария, В. Сергеев, А. Богатуров и некоторые другие) тезис о демократии как о несомненном благе ставится под радикальное сомнение [14].

Из этой позиции исходим и мы. Именно в ней, на наш взгляд, коренится способ вернуть региональную политологию к своему предмету – реальному политическому процессу в регионе. Другой отправной точкой для методологической рефлексии выступает концепция «рус-

ской власти» Ю. Пивоварова [15]. Первая позиция позволяет нам говорить о пределах трансформации политических режимов. В соответствии с этими пределами мы можем говорить о трех типах политических режимов за пределами североатлантического ареала (родины демократии и демократической мифологии): трансформируемые, нетрансформируемые и частично трансформируемые режимы. Ярким примером трансформируемого режима может служить Чехия, где институты демократии привились относительно легко и прочно. Мусульманский мир дает нам образцы нетрансформируемых режимов. Здесь при трансформации политическая трансценденция, позволяющая существовать имманентной социальности, просто исчезает.

Наибольший интерес в плане исследования сущности политического в России представляют частично трансформируемые режимы. Здесь традиционные для общества властные практики не приходят в радикальное противоречие с системой «демократических» имен, демократических институтов. Они мимикрируют «под демократию», симулируют самих себя. Неизбежно возникает «другая реальность», где реализуются реальные властные позиты и реальные распределительные отношения (неформальная сфера). Наличие демократических институтов и имен толкает нас к тому, чтобы трактовать эти позиты и отношения в духе завершения демократического транзита, «авторитарного отката». Но было бы категорически неверно видеть здесь только «обман и лицемерие». Демократия-маска и рожденный на ее основе политический маскарад – явление вполне реальное. Но в отличие от классических политологических схем он (маскарад) отражает одну из граней реальности. Другие грани, взаимодействующие с той, которая «высвечена» в данный момент, остаются невидимыми. Однако именно они порождают результат, который мы фиксируем с помощью традиционных опросов, анализа результатов выборов, распределения политических симпатий и т. д. Включить в исследовательское поле политологии «невидимые грани», основанные на традиционных властных практиках, системе неформальных (формализованных вне демократической традиции) институтов, и значит перейти к анализу реального политического процесса. Особенно реальным такой переход выглядит в рамках политической регионалистики Дальнего Востока. Здесь, в силу особенностей заселения и социального бытия региона, система «демократических имен» была слабее, поэтому легче оказывается заглянуть «за маску». Эта попытка и предпринимается в последние годы¹.

¹ См. тематический номер журнала «Полис» (2004. № 5).

Библиографические ссылки

1. *Валлерстайн И.* Конец привычного мира. М., 2004.
2. *Ильин М. В.* Между научным лидерством и провинциализмом // <http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&t=thesisDesc&CounterThesis=1>.
3. *Врабий А.* Демократическая республика на Дальнем Востоке // Тихоокеанская звезда. 1994, 9 августа.
4. *Смирнов Б. В.* Политология: Учебное пособие. Хабаровск, 1998.
5. *Песков В. М.* Российский Дальний Восток в глобализирующемся АТР // Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: анализ, регулирование, прогноз. Хабаровск, 2004.
6. *Ярулин И. Ф.* Гражданское общество: история и современность. Хабаровск, 1999.
7. *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. М., 2004.
8. *Песцов С. К.* Регионализм и система международных отношений // Вестник ДВО РАН. 2005. № 7.
9. *Шинковский М. Ю.* Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации. Владивосток, 2000; *Шинковский М. Ю.* Приграничный регион в условиях глобализации: теоретико-концептуальные подходы // Пространственная экономика. 2005. № 2.
10. *Поптер К.* Предположения и опровержения. М., 2004.
11. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М., 2001.
12. *Богатуров А. Д.* Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1.
13. *Сергеев В. М.* Демократия как переговорный процесс. М., 1999.
14. *Валлерстайн И.* Закат американского могущества // Космополис. 2004. № 1 (7).
15. *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* Русская система как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.